

ЭМИГРАНТ
РОМАН

ПРОЛОГ

Отъезд

Вечер тянулся невыносимо за полночь. Приходили друзья и какие-то малознакомые люди, бодро говорили, скрывая растерянность. Бесконечно прощались. Куда он уезжает, зачем, стало в конце концов непонятно и ему самому — как можно терять все привычное, любимое и уезжать в никуда. Чемодан стоял посреди комнаты открытым укором — все оставалось, как было, кроме него. Он потихоньку подкладывал туда книг — будто фараону в загробную жизнь. Да что книги! Он уезжал без нее! Оставлял ее в темной зимней Москве. Как смел он ее оставлять!

Представить не мог, что произойдет там, в аэропорту, который обычно так любил: сегодня это не было приключением, путешествием, а только жалкой тоской, которую ни за что нельзя показать. Хорошо, хоть туман в голове, так легче.

Как будто она не видит в его глазах тоски, как будто ее не бьет та же самая дрожь. Боже, что они делают, как они могут крушить то, что создавали с такой радостью и азартом. Но ведь всего на месяц, или на три, или на полгода.

Не поддавайтесь на искушения. Не разрушайте сами свою жизнь и не давайте никому ее разрушить, чем бы вам ни угрожали, что бы ни сулили. Она отомстит.

Пророческие строчки предательски крутились в голове: «Кто может знать при слове расставанье, какая нам разлука предстоит...» Гнал их, но стихи возвращались, вертелись на языке. И как эхо, уловил те же слова в едва слышном ее шепоте.

В аэропорту была особая суета, какая всегда бывает среди большого числа отъезжающих, от этого стало легче. На паспортном контроле все снова сжалось внутри. Там впереди какая-то другая жизнь, ну скорее, полжизни. А если он останется донашивать оставшуюся половину один? Нужна ли она ему?

Пришло мгновение, секунда, ничем не выделяющаяся среди бесчисленных ее товарок, когда они должны были расстаться. Дальше она идти не могла. В какой-то момент объятие распалось, губы оторвались от губ, осталось только послевкусие. И он бессмысленно пошел вперед сквозь металлоискатель, с дурманом в голове и пеленой перед глазами, окончательно ничего не понимая, пошел просто потому, что не разучился в тот момент ходить.

Потом как-то вошел в самолет, к кому-то обращался на ломаном английском.

Они вроде бы обо всем договорились, все решили, но это больше походило на клятвы любовников, чем на семейные планы. Их семья и была союзом влюбленных, ежедневные рутинные обязанности никогда не скрепляли ее, оба занимались бытом с тихой ненавистью, просто чтобы быть от него свободными. И быт незаметно мстил — отсутствием уюта и семейных привычек, общих любимых вещей. Их дом был бесконечным разговором обо всем от античной поэзии до текущей политики, как было принято на кухнях той поры, он был где угодно, но обычного дома, с общими радостями и заботами, у них не было. Как не было общих детей.

Год назад она неожиданно для себя поняла, что беременна. Недели две мучилась, сказать — не сказать. Он увлеченно писал статьи с приятелями — соавторами, уезжал на какую-то конференцию. Хотя он всегда говорил, что хочет ребенка, но вот представить себе пеленки, крики, безумную усталость первых месяцев материнства в их жизненном укладе она не могла. Можно ли в их возрасте поменять этот привычный любимый ими уклад? Да и зачем? Все как-то вроде бы сложилось. Есть дети от прежних браков. Как это отразится на них? И это их вечное, привычное уже, как старые тапки, безденежье. Так ничего и не сказала. Наверное, должна была сказать. Она думала об этом сейчас, глядя, как он переходит границу. Что меньше было похоже на границу, чем этот юный паренек в зеленой фуражке, еле заметный в своей стеклянной будке? Для них границей были бесконечные столбы с колючей проволокой и автоматчики на вышках, которых они, правда, никогда не видели, но представляли очень ясно по рассказам и фильмам. Граница лагеря, а не страны.

Что-то должно было произойти, не мог этот полет кончиться благополучно. С какой-то почти надеждой он то и дело заглядывал в проход между креслами, по которому сновали отутюженные блестящие стюардессы. Но в проходе все было как обычно, а в иллюминаторах и вовсе ничего — воздух. Они летели над Атлантикой.

Он вдруг ощутил себя никем и нигде — в небе, в воздухе над планетой, без языка, без любви.

Заблудился я в небе — что делать?

Тот, кому оно близко, — ответь!

Он вошел в самолет одним человеком, а вот кем выйдет?

Ему показалось, что-то все же произошло в проходе. Чаше забегали стюардессы с испуганными глазами, отутюженность как-то поблекла. Какие-то слова из кабины пилотов прошелестели в салон: «координаты, курс, где же мы, черт возьми?!» Это была еще не паника, а то, что предшествует ей, — растерянность.

Вдруг возникло ее лицо — зеленые глаза с копной черных волос, и голос где-то рядом:

— Что ты делаешь? Мы же так никогда не увидимся.

— Я ничего не делаю, — возразил он. — Сам не понимаю. Просто у меня в голове возникли эти стихи.

— Тогда ладно, — успокоилась она. — Ты почувствовал себя в изгнании, и вот ты нигде. Вместе с этим заблудившимся самолетом. Вернее, заблудился-то ты, а самолет с тобой.

— Но почему такого не было раньше? Могущества слова.

— Всегда было, ты знаешь. Но вы никогда не совпадали так.

— Мы хотя бы спасемся? — спросил он запоздало.

— Это же были стихи не о гибели. Тот, кому оно близко, знает, что делать, — ответила она загадочно.

Он как-то встряхнулся, открыл глаза. Сон отлетел. Показалось, приснилось.

Почему-то они все-таки долетели, хотя ему это до сих пор кажется странным.

Первые шаги

Андрей Бранадский переживал безумие первых недель эмиграции.

Он разговаривал с людьми, ходил в учреждения, оформлял документы, но практически не запоминал ни лиц, ни имен. Что он делал и зачем, стало как-то проясняться потом, но и через много лет, хотя он детально помнил почти каждый год жизни, первые месяцы в Америке вспоминались неточно и смутно. Картинка была смазанной, туманно-расплывчатой, как вид на Гудзон в плохую погоду. Изумление сменялось растерянностью, на смену им приходило ощущение нереальности происходящего. Он был в другом мире, но мир этот почему-то оказывался не столько вовне, сколько внутри него. Хотя снаружи все тоже было другим — дома, квартиры, а главным образом — люди. Знакомые как-то расслабились, а незнакомые — на улицах, в метро, автобусах — выглядели беззаботными и ненапряжно радостными. Они улыбались ему, случайному прохожему. Дома он такого, пожалуй, никогда и не видел, ну разве по большим праздникам. Но не было вроде праздника. Да и веселье по праздникам было хмельное и бездельное, а тут спешат люди по делам и улыбаются. Если заметят, что человек замешкался или что-то ищет, тут же спрашивают, не нужна ли помощь.

А у него внутри будто натянутая струна и он старается этой струной улыбнуться в ответ, и она медленно, нехотя ослабевает как туго затянутый галстук. Страшно, тревожно и в то же время легко, тяжело на душе и весело одновременно. Вокруг чужой, непонятный мир, но не страшный, скорее доброжелательный. Андрей с трудом, через силу начал открываться ему навстречу.

Оказалось, что он не умеет делать элементарных вещей — пользоваться банкоматом, стиральной машиной, уличным телефоном, даже в метро нужно учиться ездить. Все это ерунда, конечно, но Андрей чувствовал себя придурком-второгодником в школе для переростков.

В первые недели он звонил ежедневно, каждый раз спотыкаясь о пересчет времени, и все равно этого было мало. Иногда с изменившимся лицом вдруг бросался к телефону в безумной беспричинной тревоге. Что с ней?! Где она сейчас?! Сколько там времени?! Два слова — и вроде отлегло, на лице дурацкая блаженная улыбка, внутри покой и расслабленность. Ровно на минуту.

Они хотели этого вместе. Бродили по любимому городу и чувствовали, будто он отбрасывает, выталкивает их. В притихших арбатских переулках, старомосковских, цветаевских, — ковровые дорожки перед крикливыми фасадами, суетятся наглые люди в скomorошьих пиджаках — малиновых, красных, зеленых. Золотые цепи на бычьих шеях, бритые затылки. Вот так прямо из центра Москвы они и перешли в анекдоты. Но поначалу все казалось серьезным. Как будто шпана с окраин завоевала город. Так оно и было, в сущности. Да еще невесть откуда взявшиеся в таких количествах бандиты. Быдло, новые хозяева жизни. А интересно, это так же смотрелось в восемнадцатом, в двадцатые? Кожаные комиссарские куртки, галифе, сапоги. Из города хотелось немедленно бежать. Куда? Тогда они впервые заговорили, что нужно уезжать, не из города, из страны. Многие знакомые тихонько собирались — кто на время, кто навсегда. Но это не меняло обычного ритма жизни, каждодневных забот. И разговоры об отъездах, и сами отъезды становились рутинной.

Деньги теряли смысл, потому что их никогда не было. Заработать даже просто на еду и одежду привычным трудом стало невозможно. Все куда-то стали ездить, что-то продавать. Андрей с Аней ничего продавать не умели.

Зато вдруг возникали и даже удавались какие-то безумные проекты. Один знакомый поэт, наскучив стихами, основал Институт сновидений. Бывшие советские люди стали бодро присылать свои сны, записанные на тетрадных листках в линейку. Снились им преимущественно Ленин, Сталин и романтические юноши из соседнего ПТУ. Правда, писали в основном пенсионеры и девицы в период полового созревания — остальным было некогда. Андрею платили там зарплату месяца два.

Кроме быдловатости во времени обнаружилась отчетливая художественная жилка, свежий ветерок свободы почувствовали все. Никто не гнал людей ходить строем, не заставлял вставать под знамена. И они впервые как-то разбегались. Правда, идти было особенно некуда.

Аня с Андреем выросли в твердой уверенности, что мир вокруг Советского Союза можно увидеть только на картинках. Причем и картинок было удручающе мало. Незыблемость советского порядка не позволяла помыслить о чем-нибудь другом.

Сейчас оказалось, что больше всего на свете безумно хочется видеть мир. Это было не любопытство к новому,

а задавленная мандельштамовская «тоска по мировой культуре». Желание вырваться из клетки совпало с порывом убежать из города. Переулочки, закоулочки, с детства любимые дворики, особняки вдруг заговорили на фоне из подворотен, ощерились золотыми зубами откинувшихся с зоны паханов и сявок. Слова «известный вор в законе» зазвучали в газетах много почтенней, чем «народный артист».

И все-таки страшно было решиться. Рискнуть в одночасье всем, какой-никакой, нелепой, но сложившейся жизнью, любимой работой, полагаясь на одну удачу и жизненную хватку, к которым Андрей и здесь-то относился очень скептически. И ведь никто не только не угрожал стереть в лагерную пыль, а даже с работы не выгонял. Наоборот, ценили и палок в колеса не ставили.

Как вот вдруг прийти и сказать в институте, что уезжаешь?! Вроде ничего не делаешь плохого и все всё понимают, а все равно как будто что-то предаешь или кого-то.

Фантом, мираж, но разве культура не состоит из фантомов, неуловимых образов, бесплотных связей, мыслей, в конце концов?! Плохая страна, но своя, можно ли, позволено ли просто ее оставить? Бросить людей, с которыми дружил, был близок, делился иногда последним, стать для них чужим? Можно дружить и через океан. Конечно можно, но так, да не так.

А изменить в ней что-нибудь самому? Вроде до власти теперь рукой подать. С этим губернатором вместе учились в университете, с тем министром были в одной компании. Ага, как же. Это Россия. Андрей усмехнулся самой этой мысли, придет же такое в голову. Губернатор с министром теперь — элита, а ты — народ. Да и самому запахло, придешь — ты уже вроде проситель, хоть и всего лишь представил записку «О переустройстве Академии наук». Отмахиваются высокомерно и нетерпеливо — не нужно, не ко времени. Все же его пригласили тогда на заседание в правительство.

Андрей искренне ожидал увидеть разумных людей, пекущихся о благе страны, а увидел до боли знакомые одинаковые плоские рожи комсомольских секретарей и райкомовских инструкторов. Он прекрасно помнил их, инкубаторских, по университету.

Почему-то новая власть состояла из старых советских карьеристов, как бы они теперь ни назывались — министры-реформаторы, тертые хозяйственники, бывшие чекисты,

олигархи, — и была такой же бездарной и безжалостной, как и прежняя. Поэтому никак не верилось, что у нее что-нибудь выйдет. Без Божьего дара ничего толком не выстроишь.

И Андрей говорил, распаяясь, с тоской и болью, что земля эта проклята, выжжена стукачеством и вековой подлостью обречена на медленную гибель. А если и возродится через сто, двести лет, так что проку, жизнь одна. Аня, прикусив губу, молча слушала.

И вот Рубикон перейден. Нью-йоркские мосты и небоскребы куда более реальны, чем оставшаяся где-то там Москва.

Он вспомнил старый фильм «Ватерлоо». Наполеон, высадившись со своим батальоном, марширует по югу Франции, и один из его «старых ворчунов» тихо говорит другому: «Слева — река, справа — горы. Путь — только вперед».

Только вперед, и Андрей, так же как тот гренадер и его император, был беспричинно уверен в успехе.

В первые дни Андрей не замечал города, не видел никаких небоскребов, а только унылые бруклинские многоэтажки. Они были идеальным фоном, то есть не запоминались и не обращали на себя внимания. Но однажды вечером по каким-то делам он проехал несколько остановок в сабвее, поднялся наверх и был ошеломлен Нью-Йорком.

Города на земле не было, только прямоугольно расчерченные клетки улиц, весь город был наверху, в небе. Он начинался примерно с десятых этажей, все, что ниже, — скучно и как бы не существовало, зато выше! Стрелы причудливых башен и хрупкие полувоздушные арки-колоколенки, карабкающиеся выступами стены огромных крепостей и какие-то невероятные зеркальные плоскости, ажурные фигуры из несуществующих геометрий, — дух захватывало от восторга, хотя было не по себе от слияния вздыбленной в небеса готики с дерзновенной инженерной мечтой. И все это накрыто завораживающей сверкающей сетью огней. Уже потом он стал присматриваться и обнаружил не меньше интересного и на нижних этажах, потому что город все время морочит тебе голову, пытаясь выдать совершенно новое и диковинное за старое и давно надоевшее, но пока это был просто фантастический и ни на что не похожий город в небе, который должен был принести ему удачу и счастье. Был он одновременно чужим и невероятно притягательным.

Однажды утром Андрей вдруг понял, что и подумать не может о том, чтобы вернуться. Он просто не сможет оставить этот странный, упорством и дерзостью созданный город. Это было внезапное, беспричинное и очень внятное чувство, и Андрей не стал ему противоречить. Они будут здесь счастливы с Аней.

В то же время его наручные часы продолжали показывать московское время, что было бессмысленно и очень неудобно, но какой-то частью себя он оставался еще с ней в Москве, и эта раздвоенность души иногда приводила чуть ли не к помешательству.

Родная любимая Аниша, тонкая как соломинка, с очень прямой балетной спиной и развернутыми немного назад плечами, вдруг возникала прямо из воздуха в стареньких джинсах, белой водолазке и развевающимся пончо и удивленно смотрела на него чуть раскосыми зелеными глазами: «Что это? Где ты, Андрюша?» — дыхание перехватывало и, кажется, невозможно было не бежать к ней немедленно, забыв обо всем, потому что ничего больше не существовало, кроме нее, ничего не было важнее того, чтобы гладить ее, целовать, спать с ней, быть с ней рядом. Какая новая жизнь стоит потерянного счастья?! Андрею в эти мгновения больше всего на свете хотелось повиноваться этому зову и ни о чем больше не думать. Но мгновение проходило и наступало следующее.

Натянутая струна в нем иногда, казалось, готова была порваться, растерзав его в клочья, но на самом деле только крепла, он постепенно к ней привык и уже почти не замечал. Волевой внутренний стержень, возникший в первое время эмиграции, держал его, помогал выживать, но и не давал расслабиться долгие годы.

На второй неделе хождений по Нью-Йорку Андрей сбрил бороду, которая по мнению Джефа, соседа и нового американского знакомого, придавала ему сходство с русским профессором (Андрей о себе рассказывал мало и подивился проницательности американца), надел купленный на последние деньги костюм (темно-синий в мелкую полоску — в самый раз для интервью, как сказал выбиравший его Джеф), продел голову в завязанный продавцом ненавистный галстук и пошел устраиваться младшим преподавателем на компьютерные курсы. Перед тем как выйти из дому, пригладил коротко стриженные черные волосы, придирчиво и быстро оглядел себя в зеркале — нужно бы понравиться работодателю, только вот как? На него смотрел совсем не

юный уже человек с печальными карими глазами и обострившимися без бороды скулами на узком лице, небольшим прямым носом и веселой ямочкой на подбородке.

Высокий, очень худой и чуть сутулившийся в висевшем на нем костюме, Андрей был похож теперь не на профессора, а на изящную запятую, тщательно вырисованную средневековым писцом-каллиграфом на странице какого-нибудь ветхого манускрипта.

Интервью было коротким. Седой мужчина с высоким лбом и доброжелательным взглядом представился Павлом. Неплохой московский инженер, десять лет назад он приехал в Америку туристом и остался здесь навсегда. Правда, нелегально. Несколько лет водил такси, пока не получил вид на жительство, прошел через многое, о чем не любил рассказывать, хотя и не стыдился, но ни разу ни о чем не пожалел.

Едва взглянув на Андрея, он сразу все понял, да и что тут можно было не понять. Задал ему несколько профессиональных вопросов. Почему-то очень захотелось, чтоб у этого угловатого худого парня все получилось. Может быть, потому, что сам недавно был таким.

«Вроде толковый, — подумал Павел, — и работа ему нужна отчаянно».

— Приходите во вторник к четырем на свое первое занятие. Постарайтесь к этому времени немного разобраться, что к чему, — напутствовал он Андрея и улыбнулся мягкой домашней улыбкой, совсем не подходившей к официальному тону.

Андрей потом несчетное число раз убеждался, что в интервью все решает взаимная симпатия. Два человека увидели друг друга, почувствовали, что им хочется работать вместе — всё, победа. А если нет, самый подходящий костюм, лучшее резюме и глубокие знания не помогут.

Едва придя домой, он тут же написал Ане. Они успевали иногда обменяться по мейлу двумя-тремя письмами за день.

Письма

From: Андрей To: Анна Tuesday, February 27, 2:44 PM

Моя дорогая любимая Аниша!

Самое непонятное ощущение — что тебя нет рядом. Другой край света, другое пространство, время — это все ладно, но почему здесь нет тебя?! Я же не умею без тебя жить. Очень пусто и больно, но пусть это хоть будет недолго, ладно?

Про страну пока ничего не знаю, но город этот ни на что не похож: он так многолик и многослоен, что только покажется, будто ты что-то подсмотрел и понял, как он поворачивается к тебе другой и совсем незнакомой стороной. Я очень много хожу пешком и никак не могу остановиться. Нужно что-то делать, как-то начинать жить, а мне просто интересно, и любопытство то и дело берет верх над здравым смыслом.

Снял маленькую квартиру, по здешним меркам очень дешевую, хотя и на полтора месяца нет денег за нее платить. Нашел на улице приличный почти новый диван, стол и кожаное кресло. Люди выбрасывают. Пока можно жить. Но если не найду работу — скоро катастрофа.

Русской речи слышу пока больше, чем английской, и она дивно причудлива, это целый брайтонский диалект — роскошная идишистская интонация местечкового русского, пересыпанного английскими словами, с русскими, естественно, суффиксами. Окружающие предметы гордо щеголяют английскими именами, как портовые красотки иностранными обновками, а некоторые американские глаголы изо всех сил стараются обрусеть. Звучит очень забавно, хотя и чудовищно временами. Прачечная становится лаундри, вечеринка пари, заём лоном, встреча митингом. То и дело слышишь «залокай дверь», «проранай программу», «возьми экзит», «ты уже отсэйвал текст?» и классическое «наслайте мне вон тот писочек колбаски». Это уже эмиграция, моя дорогая, ее язык и стиль. Иной раз выразителен необычайно. Деваться некуда, придется жить, терпеть.

Пожалуй, надо написать статью про чудный этот пиджин, вот только когда?

Пиши — что делаешь, думаешь, где бываешь.

А

From: Анна To: Андрей Wednesday, February 28, 2 AM

Привет, Андрюша, дорогой, милый, любимый!

Тебя как-то сразу очень и везде не хватает. Все куда-то идут вместе, что-то планируют, делают, а я одна. Ты очень нужен, я совсем не привыкла без тебя. И непонятно, когда тебя увижу.

Пиши подробно обо всем, что видишь и слышишь, очень хочется понять, что такое твоя Америка и что тебе нравится в ней. С тех пор как ты уехал, думаю об этом непрерывно, не люблю ее (она нас разлучила, пусть временно) и хочу представить себя там и стать частью той, далекой пока от меня *нашей* жизни.

В твоём институте мне внезапно выдали твою последнюю зарплату, так что я вдруг чуть-чуть разбогатела. Все спрашивают про тебя, а мне, в сущности, нечего сказать. Оба твоих отдела в полном составе передают привет.

Мои психологические консультации внезапно пошли полным ходом. Ходят девочки, которые хотят замуж и свято верят, что я им в этом помогу — одной как раз помогла, и теперь от них нет отбоя, — а кроме того, мамы, у которых проблемы с детьми-тинейджерами, супруги, если им самим не разобраться в собственных отношениях, и все прочие. Я как-то без особых усилий становлюсь модным психологом, а мне это сейчас совсем не в радость.

Была на репетиции нового спектакля у Фоменко — «Семейное счастье» по повести Толстого (сам Л. Н. ее не жаловал и, думаю, справедливо) — и поняла, насколько же наша с тобой жизнь интересней, счастливей и проще, чем была у него. А мы так и не научились ценить божий дар легкости и совпадения желаний.

Твои заметки о русском языке в окружении английского забавны, остры и, наверное, точны, но, похоже, так было всегда. Посылаю тебе монолог из стихотворения Маяковского «Американские русские», опубликованного в сборнике «Стихи об Америке» 1925 года.

Я вам,

сэр,

назначаю апойнтман.

Вы знаете,

кажется,

мой апартман?

Тудой пройдёте четыре блока,

потом

сюдой дадите крен.

А если
стриткара набита,
около
можете взять
подземный трен.
Возьмите
с меняньем пересядки тикет
и прите спокойно,
будто в телеге.
Слезете на корнере
у дроге ликет,
а мне уж
и пинту
принёс бутлегер.
Приходите ровно
в севен оклок,—
поговорим
про новости в городе
и проведём
по-московски вечерок,—
одни свои: жена да бордер.
А с джабом завозитесь в течение дня
или
раздумаете вовсе —
тогда
обязательно
отзвоните меня.
Я буду
в офисе.

Адик, а понимаешь ли ты своих новых американских соотечественников? Как они тебе вообще?

Пока я все это писала, прилетел воробей с куском хлеба в клюве. Видно, что стреляный. Оглядывается — безопасно ли, не отберет ли кто-нибудь добычу. Есть пошел на крышу.

А.

From: Андрей To: Анна Wednesday, February 28, 11 PM

Мой родной любимый Зверь!

Маяковский все изобразил точно. Что-то подобное писали Ильф и Петров в «Одноэтажной Америке». К счастью, все-таки это не единственный язык эмиграции. Просто он самый заметный.

Привычные нам с тобой люди, которые говорят не так варварски, живут тише. Я стараюсь смотреть внимательней и видеть не только то, что сразу бросается в глаза.

Американскую речь понимаю пока больше интуитивно, всю фразу, а не отдельные слова. Причем иногда неправильно.

В НАЙАНЕ (организации, где помогают эмигрантам-евреям) познакомился с немолодым инженером, вице-президентом небольшой компьютерной компании или что-то вроде того. Его родители бежали в 30-е годы от Гитлера. Алан родился в Америке, но что такое эмиграция, знает не понаслышке, это его детство. Старается помочь и советом, и делом. Таких здесь много. Рассказал, что всегда хотел быть адвокатом, но не было возможности. Теперь ему исполнилось шестьдесят и он решил осуществить мечту. Раньше надо было зарабатывать деньги, растить детей. Наконец дети выросли, и у него достаточно денег, чтобы выйти на пенсию и начать новую жизнь. Будет поступать в университет на юридический. Рассчитывает еще поработать защитником.

Много ли ты знаешь соотечественников, в 60 лет радостно готовых начать жизнь с чистого листа? По-моему, совершенно невероятная история. Но здесь она звучит как-то естественно.

А

Аня прочла письмо, привычным движением достала из пачки сигарету и пошла курить на балкон. Он выходил на другой такой же дом, скучную серую коробку, и даже мысль, что если идти минут десять вдоль этих домов, окажешься в усадьбе Трубецких, ее сейчас не радовала.

Они любили гулять с Андреем по извилистым парковым аллеям, могучие старые липы помнили и Хлебникова с Владимиром Соловьевым, и поколения русских аристократов — Стрешневых, Трубецких, Голицыных. Всегда так сладостно было сбегать в их жизнь, но нужно возвращаться в свою. С Андреем ей было легко и просто, чтобы ни случилось. Никакой он не был стеной, ни деревянной ни каменной. И ничего не мог вроде бы сделать особенного, хотя его цепкий ум всегда находил какой-то выход. Но дело было не в этом, а в том, что с ним ей было хорошо и совершенно иррационально спокойно. Ей так не хватало сейчас его богатого эмоциями голоса, так по-разному умеющего выразить одни и те же слова, мягкой непреклонности, трогательной, чуть виноватой иногда улыбки.

Почему-то вспомнила сейчас, как пару лет назад они сидели на кухне и смотрели друг на друга с изумлением

и легкой печалью — денег не было даже на то, чтобы купить самой простой еды. Однако это их не столько огорчало, сколько озадачивало. Андрей штудировал газету бесплатных объявлений с внимательностью корректора, выискивающего последние опечатки. Вдруг он прочел лаконичный призыв: «Требуется колдун» — и потянулся за телефонной трубкой. На вопрос работодателя: «А как вы колдуете, через козлика?» отвечал задумчиво и несколько свысока, в голосе чувствовался пафос заслуженного профессионала, потомка древнего колдовского рода. Козел был отвергнут как устаревшая технология, вместо нее Андрей, почувствовав шальные деньги, уверенно выдавал гремучую смесь из психоанализа Фрейда, Юнга и Адлера за новейшие приемы колдовства. Аня рыдала от смеха. Следующие пару дней он успешно колдовал за наличные. В пятницу вечером вместо очередного посетителя в комнату зашли два мордворота. Потребовали сумму раза в полтора больше, чем Андрей заработал, забрали все деньги и ушли. На семейном совете решено было с колдовством завязать. Правда, тут внезапно выдали зарплату за предыдущие полгода и денежная проблема ненадолго была решена.

В ней вдруг вспыхнуло желание, она захотела его остро и мучительно. Так бывало, когда его низкий хрипловатый голос неожиданно возникал где-то рядом. Тело пронзила память о той ночи на узком односпальном диване в гостиничном номере, когда они ездили вместе на какую-то его конференцию. Одна из их божественных ночей. Аня закусила нижнюю губу. Все ее существо рвалось к Андрею, вопило об этом, но как жить в этой самой Америке? Без профессии, без друзей. Она совершенно не понимала. Хватит ли за все про все одной их любви, выдержит ли она? Вдруг подумала, что у Алешки через месяц экзамены, восьмой класс. Надо бы позаниматься с ним русским, а то наделает ошибок в сочинении. Прикурила следующую сигарету.

Толя, бывший муж, ставший вдруг успешным политиком и заодно патриотом, слышать не хотел о том, чтобы отпустить сына за границу. Об этом Аня даже думать не могла. В самой мысли был какой-то непереносимый зуд, как будто монетой терли и терли о стекло, и прекратить его никак не получалось. И Андрюша, умевший находить выходы, был так далеко, а все их решения и договоренности стали сыпаться как карточный домик, стоило ему уехать. Пока Андрей был рядом, это было как бы немножко игрой — мало ли о чем можно говорить и что планировать, ведь они же

здесь, вместе, и еще некоторое время после отъезда продолжалась такая легкая эйфория полусуществленной мечты, но в какой-то момент Аню швырнуло в реальность как головой об угол комода.

From: Андрей To: Анна March 1, 1 AM

Анишка, я, кажется, получил свой первый американский ангажемент. Буду работать помощником преподавателя в одной из компьютерных школ, их здесь очень много. Говорят, что сейчас компьютерный бум, т. е. требуется много программистов и они неплохо зарабатывают, поэтому много людей, в основном эмигрантов, стараются выучиться новой профессии и устроиться на работу. Похоже, это и моя судьба. Пока побуду немного инструктором — так здесь называется преподаватель низшего ранга.

Вспомнил твою фразу после спектакля у Фоменко в одном из недавних писем и понял, что сам часто думаю — как удивительно легко мне с тобой, мы понимаем друг друга с полувзгляда и полуслова, почти ничего не надо объяснять, потому что совпадаем без всяких усилий настолько во многом, что редкие различия вызывают не скрытое раздражение, а удивление: «Надо же, мы не во всем одинаковы. Вот об этом мы думаем по-разному и здесь у нас разные точки зрения». Только сейчас, когда ты так далеко, я осознал, какой чудный дар мы получили от судьбы. Никогда не чувствовал себя как-то скованным твоими желаниями, опасением, что тебе не понравится то, что я сделаю или скажу. Я рядом с тобой всегда совершенно свободен и счастлив. Если бы ты знала, как важно это ощущение свободы.

Твой воробей обернулся сегодня бруклинской белкой. Здесь их примерно столько же, сколько в Москве воробьев. Одна такая рыжая красавица (большинство ее товарок тут серебристые) присела поесть рядом со мной на траве, совершенно ничего не опасаясь. Сидела для белки очень долго, наверное, целую минуту. Дала себя полностью рассмотреть от черных пуговок глаз до кончика роскошного хвоста.

Когда же тебя ждать?

А

From: Анна To: Андрей March 3, 11 AM

Мой любимый далекий Андрюша!

Поздравляю с первой американской работой, мой дорогой! Это, конечно, только начало, но все же каково тебе, доктору наук, в шкуре помощника преподавателя? Ты, конечно, многого достигнешь в новой стране, но вот станет ли она своей, будет ли в ней легко и естественно?

Твоя история чудная. Откуда же берутся такие лихие Аланы? И это его человеческий подвиг или обычное американское поведение? А я у тебя, похоже, увы, совсем другая.

Чем больше думаю о твоей Америке, тем больше боюсь. Стараюсь в себе этот страх победить, но выходит плохо. Я не смогла тебе это сказать по телефону, но написать могу, так все-таки легче. Что я буду там делать? Я психолог, по-английски практически не говорю, сколько времени понадобится, чтобы остаться в профессии, да и получится ли? Ведь это годы, а мне уже не восемнадцать. Как их прожить? Мы обо всем этом сто раз говорили, но ведь от разговоров ничего не меняется. А что я без профессии, милый? Ты представляешь меня без нее?

Оказывается, я совсем не умею рассчитывать силы. Плохой из меня эмигрант. Здесь все так же:

Мост новый построен,
Да смыт половодьем.
— Все то же, Сережа?
— Все то же, Володя.

Но это все свое, привычное, понятное. Нет у меня ни жизнерадостности ни отваги, а без этого ничего не завоюешь.

И еще. Я не могу увезти Алешу. Толя сказал, что никогда не даст мне разрешения, он полон оптимизма и хочет, чтобы сын жил в России. До совершеннолетия еще два года, и я совершенно не понимаю, как он будет без меня, да и что решит потом. Наверное, ему в любом случае лучше закончить школу в России. Слишком большая ломка. Как ты думаешь?

Пока ты был рядом, все казалось легко и просто. А одна я не могу даже мысленно все это преодолеть.

Прости меня.
А.

From: Андрей To: Анна March 4, 1 AM

Дорогая любимая Аниша! Мой милый родной зверек!

Ничего не бойся. Ты мне очень, очень нужна! Так пусто без тебя. Я помню только одну заповедь: «С любимыми не расставайтесь!». Нужно быть вместе! Сначала будет нелегко,

но мы вытянем. Здесь много людей сдают экзамены и становятся психологами. Твоя профессия очень востребована. Можно немного поучиться и стать социальным работником — это такой психолог-консультант на все случаи жизни, они нужны в разных местах. А можно доучиваться на психотерапевта с докторской степенью. Жизнь подскажет. Все это решаемо и преодолеем. Язык выучишь.

С Алешей сложнее, со школой, возможно, ты и права, но мы можем забирать его на лето, а ты сможешь поехать в Россию, как только получишь green card — вид на жительство. Обычно это занимает год. За это время он немножко подрастет и сам разберется, как ему жить.

Ты знаешь, что меньше всего я думаю про иерархии. Мне в этой новой школе пока интересно, а дальше посмотрим. Еще одно обличье, из которого выглядываю все тот же я. Здесь все настолько другое, что и в голову не приходит сравнивать.

Жду тебя.

А

Слезы текли по щекам, и Аня не вытирала их, пока читала письмо. Потом рухнула на диван и забилась в беззвучных рыданиях. Плечи вздрагивали и так хотелось, чтобы Андрюшина рука легла сверху, нежно погладила по голове, по спине, так нужно было к нему прижаться, почувствовать его тело, себя в его руках. «Андрюша, Андрюшенька, любимый», — шептала Аня, трясаясь и всхлипывая. Больше всего на свете хотелось купить билет, собрать вещи и лететь в эту неведомую Америку.

From: Андрей To: Анна (отрывок из письма)

В разлуке (да и вообще в жизни, даже если рядом, но когда далеко — особенно) бывают моменты, когда все кажется каким-то зыбким и непонятным. Это естественно: каждый живет своей жизнью, эта жизнь затягивает, эмоции, даже самые яркие, отходят на второй план, появляется усталость от чего-то. В общем, мы это прекрасно понимаем, — и то, что понимаем, защищает. Я это нам двоим рассказываю сейчас, поскольку показалось, что то ли такой момент вдруг наступил, а если не наступил, так может наступить.

ГЛАВА III

Корпорация

Марк еле втиснул свою «Хонду» на свободное место между «Фордом» и «Тойотой-Сиеной» и побежал на работу.

Торопливо, не отцепляя от пояса, приложил к двери пластиковый пропуск и секунд через пятнадцать уже сидел на совещании (как все здесь говорят, митинге) в просторной комнате, называвшейся Килиманджаро — на стене, подтверждая название, висела фотография знаменитой горы.

Совещались ровно час, потом он еще минут пятнадцать читал мейлы, уже у себя, просматривал в интернете новости по-русски и по-английски и наконец погрузился в проект. Начался обычный рабочий день.

Марк подумал, что так же или очень похоже начинается он у других. Каждый программист сидит в крошечном кабинетике — маленькой будочке, уткнувшись в компьютер, и пишет программы (или, как говорят в Америке, код), если не занят чем-нибудь получше, конечно.

Будка состоит из трех пластиковых перегородок и называется кьюбиклом, или попросту кубиком. С четвертой стороны в нее можно войти.

Сотни программистов сидят в обычных кубиках, младшие начальники — в кубиках с окном, а старшие — в полноценных кабинетах, но без окон. Оконная иерархия соблюдается свято. В кабинете с окном сидит только главный начальник.

Марк работал в этой компании уже пятый год и считал себя человеком бывалым. Среднего роста, улыбающийся сероглазый крепыш с явным брюшком и изрядной лысиной, он выглядел по-домашнему просто и светился такой детской бесхитростной добротой, что ее нельзя было не почувствовать, пообщавшись с ним хоть пару минут. Даже строгий темно-синий костюм в мелкую полоску с тщательно отглаженными стрелками на брюках (хоть сейчас на интервью) висел на нем как добротный стеганный халат на русском помещике девятнадцатого века. Но в глазах сверкали ум и лукавство, а мягкие черты лица могли вдруг застыть с выражением сосредоточенной решимости, правда, только на мгновение. В следующую секунду добрая, даже чуть виноватая отчего-то улыбка как ластиком стирала память об этом из головы собеседника.

Уже почти десять лет назад они бежали из предпогромного Баку. Вера с крошечной Люшей как-то

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru